

МЕТАМОРФОЗЫ СОЦИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НЕЗАПАДНЫХ КУЛЬТУР

Глобальное давление информационных потоков и новейших способов коммуникации приводит к возникновению гибридных форм социальности, которые эклектично соединяют индивидуализированные и коллективистские виды общественных отношений. В результате в странах западных культур создается параллельное коммуникативное пространство, надстроенное над полем традиционных иерархических структур. В Казахстане на границе двух пространств — традиции и модернизации, — возникает противоречивое сочетание социетально-функциональных структур, присущих казахской этносоциальной системе, и западных, индивидуализированных паттернов, внедряемых через многочисленные каналы «информационного общества».

Ключевые слова: виртуализация, модернизация, информационное общество, социальность, социокультурная трансформация, идентичность, интернет, традиция, стратификация.

В контексте модернизационных реформ, происходящих в казахстанском обществе, появляется новая исследовательская тематика — воздействие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и формируемого ими нового коммуникативного пространства на социально-политические, стратификационные, межэтнические взаимоотношения, социальную и этнокультурную идентичность населения. В связи с этим возникает целый ряд основополагающих вопросов данной исследовательской тематики: в первую очередь — насколько современная методология социальных наук релевантна новым формам социальности и в какой степени мы нуждаемся в пересмотре прежней методологии исследований, ориентированной на классические, целостные формы социальности? Насколько адекватны концептуальные модели и когнитивные схемы западных исследователей для обществ, эклектично соединяющих в себе институциональные матрицы аграрного, индустриального и постиндустриального обществ? Каким образом, и в каком направлении новая социальность, генерируемая трендами информационного общества, трансформирует нашу идентичность, поиск которой актуален, как в Казахстане, так и на всем постсоветском пространстве?

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич — доктор философских наук, заведующий отделом политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН Республики Казахстан (muhtarbek64@mail.ru)

Shaykemelev Mukhtarbek — Doctor of Philosophy, Head of the Department of Political Science, Institute of Philosophy, Political Science and Religion, Republic of Kazakhstan (muhtarbek64@mail.ru)

Когда мы говорим о постепенной трансформации привычных классических социальных институтов под воздействием виртуализации общества, то мы имеем в виду не только процесс постепенной децентрализации и деиерархизации вертикальных бюрократических общественных институтов. Кристаллизация новых горизонтальных социальных взаимодействий — это не просто новый вид коммуникативных связей, порождающий новые виртуальные сообщества, но и результат индивидуальных стремлений отдельных людей реализовать свои потребности, зафиксировать ценностные нормы и ориентации в коллективной идентификации. Трансформация нашей социальности в сторону разрушения привычных коллективистских институциональных кодов и все большей индивидуализации вызывает насущную потребность в признании возрастающей роли в социальном конструировании реальности групповых идентификационных проектов, одним из которых являются сетевые сообщества. Разумеется, эти недостаточно оформленные интенции новой социальности относятся к определенной части общества, которая является пока еще малочисленной урбанизированной прослойкой, тем не менее, имеющей явную тенденцию к прогрессирующему росту.

В казахстанских научных кругах сегодня наиболее оживленно идет дискуссия о том, каким образом минимизировать риски соединения традиции и модернизации, воплотив их в оптимальной модели новой социальности. Одни говорят о необходимости вестернизации — сродни турецкой модели, другие о модернизации без вестернизации, третьи призывают чуть ли не к реанимации номадической модели этносоциальной структуры. Думается, что такого рода дискуссии — неизбежный результат тех глубочайших социокультурных трансформаций, которые сопровождаются поиском наиболее оптимальной модели антропосоциетального соответствия прежних и культивируемых новыми информационно-коммуникативными практиками систем социальности. Представляется, что идеальная модель такого соответствия представляет собой органичное сочетание новой индивидуализирующейся социальности и выросших из этнической культуры традиционных паттернов, развитие которых было задержано патримониальной системой советского периода.

«Преодоление» социализмом периода буржуазно-демократического развития, которое выдавалось коммунистической идеологией за фундаментальное преимущество советского строя, в эпоху интеграции постсоветских республик в глобальный миропорядок обернулось новым витком давления на устои патерналистского сознания. Стало ясно, что революционный наскок на объективные законы эволюции обернулся искажением многовековых устоев социальной психологии, но не их реальной трансформацией. Коллективистские установки, законсервированные в советское время, и отсутствие института частной собственности на средства производства не дали развиваться чувству правового, а не репрессивного осознания свободы, индивидуальной ответственности за результаты собственного труда, сдерживали проявления частной инициативы.

Соответственно, не развились буржуазно-демократические антропосоциетальные модели, соответствующие характеру рыночных экономических отношений. Тогда как эволюционно пройденный период раннего капитализма позволил многим государствам с самобытными культурными традициями по-

степенно найти компромисс между устоями собственных этнических культур и общемировой тенденцией капитализации и индустриализации производства.

У казахстанцев на подобного рода эволюционные изменения не было ни времени, ни возможностей. Ускорение исторического времени привело к тому, что практические нормы жизни и ценности не успели переформироваться в соответствии с новыми требованиями. Коллективистское родовое сознание казахов, наряду с русским общинным сознанием, отражающим психологию крестьянского населения второго по величине этноса Казахстана, достаточно органично срослось с вертикальной политической структурой управления тоталитарного советского государства. Таким образом, доминирование патерналистских моделей при советском строе сохранилось в ценностных структурах социальности казахстанцев практически в неизменном состоянии. Советская система лишь затормозила структурную перестройку коллективистских моделей в индивидуалистские, соответствующие матрицам капиталистического способа производства. Поэтому современные метаморфозы социальности, порождаемые процессами модернизации и информатизации, хотя и не сопровождающиеся многочисленными физическими потерями, как это было в 30–40-е гг. прошлого века, по глубине изменений в традиционном сознании не уступают, а скорее превосходят советский эксперимент эпохи коллективизации.

Очевидно, что в настоящий момент мы переживаем драматический модернизационный перелом в сознании, обусловленный резким переходом в среду постиндустриального (информационного) общества, который сравним с «историческим прыжком» в социализм. Процессы модернизации трансформируют внутреннюю систему общества, нарушая социокультурный баланс и провоцируя возникновение социетального кризиса (Лапин 2000: 33). Под давление «информационного общества» попадают уже не отдельные составляющие культурно-исторической идентификации локальных культур, такие как язык, обычаи, этнический облик и другие культурные различия, а сама система социальности.

В результате непрерывного давления структурных перестроек на архетипы архаического сознания в мышлении и поведении отдельных групп населения формируется постоянное запаздывание, несоответствие жестким ритмам ускоряющегося времени. Возникает дисбаланс между требованиями «общества знаний», являющегося труднодостижимой целью «догоняющей модернизации», и архаическими представлениями и моделями поведения, присущими аутсайдерским социальным группам.

В настоящий момент социальные группы, сохранившие традиционные социокультурные архетипы, — казахские этнические репатрианты, молодежь и люди среднего возраста — внутренние мигранты (граждане Казахстана, переезжающие из аулов в города), — по большей части не могут интегрироваться в социальное и коммуникативное пространство чуждой им по духу городской среды. В контексте внедрения современных ИКТ процессы социокультурной дифференциации, подвижности и размывания стратификационных границ еще стремительнее увеличивают социальное и информационное неравенство, углубляя общественный дисбаланс. К уже имеющемуся вертикальному раслоению казахстанского общества добавляется горизонтальный «цифровой

разрыв» (термин М. Кастельса). «Дифференциация между “Интернет-имущими” и “Интернет-неимущими” добавляет еще один фактор раскола к уже имеющимся источникам неравенства и социальных ограничений в процессе их сложного взаимодействия друг с другом» (Кастельс 2003: 284).

Кому-то может показаться, что вопрос влияния виртуальных технологий не столь актуален для Казахстана, поскольку новые сетевые коммуникации недостаточно проникли в общественное сознание казахстанцев. Но обратимся к данным социологического исследования.

В 2012 г. казахстанским Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК в рамках научно-исследовательского проекта «Роль виртуальных технологий в социокультурной трансформации казахстанского общества» было проведено республиканское социологическое исследование интернет-аудитории в Казахстане.

Опрос был проведен во всех областях Республики Казахстан, а также в городах республиканского значения Астана и Алматы. Объем выборочной совокупности — 3000 респондентов, из них молодежь — 850 респондентов (в возрасте от 18 до 29 лет). Выборка репрезентировала взрослое население Казахстана старше 18 лет по полу, возрасту, национальной принадлежности, уровню образования и месту проживания — по типу населенных пунктов. В результате анкетного опроса выяснилось, что главным ежедневным пользователем Интернета является молодежь 18–29 лет — 45,2 %. По остальным возрастным группам показатель ежедневного использования Интернета снижается в два раза с каждой последующей возрастной группой (см. рис. 1). Внедрение интернет-технологий создает новые возможности, прежде всего для молодежи, формируя сетевое пространство социального взаимодействия. Думается, что это касается всех развивающихся стран, хотя бы и имеющих значительные отличия в способах и видах социокультурной идентификации.

Также показательны данные о том, какому источнику информации более всего доверяют казахстанцы. Оказалось, что респонденты доверяют: веб-сайтам правительства РК — 6,5 %; сайтам мировых информагентств — 8,5 %; негосударственным сайтам — 2,2 %; социальным сетям Facebook, Twitter, Одноклассники и др. — 3,6 %; радио, телевидению, газетам и журналам — 53 %; друзьям, соседям, родственникам — 10,3 % респондентов. Мы видим, что с огромным отрывом лидируют традиционные СМИ, что подчеркивает примерно 10–15-летнее отставание Казахстана от передовых стран в области внедрения и использования ИКТ.

Результаты данного социологического исследования также показали, что молодежь в возрасте от 18 до 29 лет доверяет информации из Интернет-ресурсов больше, чем старшее поколение. Около 29,3 % респондентов в возрасте 18–29 лет доверяют веб-сайтам правительства РК, сайтам мировых информационных агентств, неофициальным сайтам, а также социальным сетям как источникам информации, тогда как этот же показатель у респондентов в возрастной группе от 46 до 60 лет составляет 14,5 %, в группе от 61 года и старше — 7,8 %. В целом прослеживается корреляция между повышением возраста респондентов и уменьшением доверия Интернет-ресурсам (см. рис. 2).

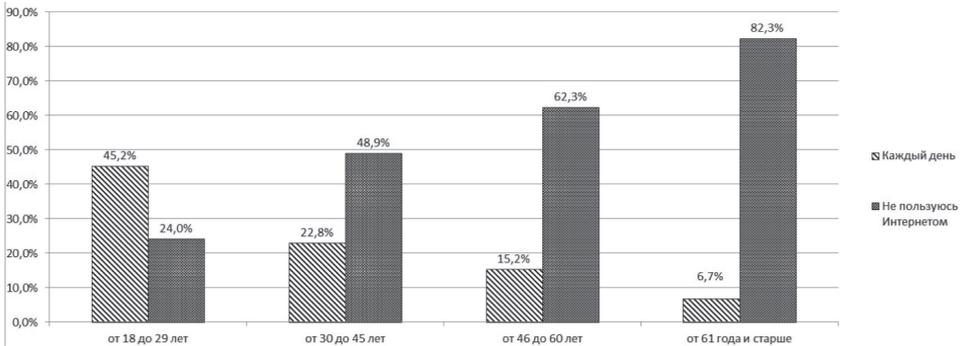

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь Интернетом?» (возрастной срез) (в % от числа ответивших)

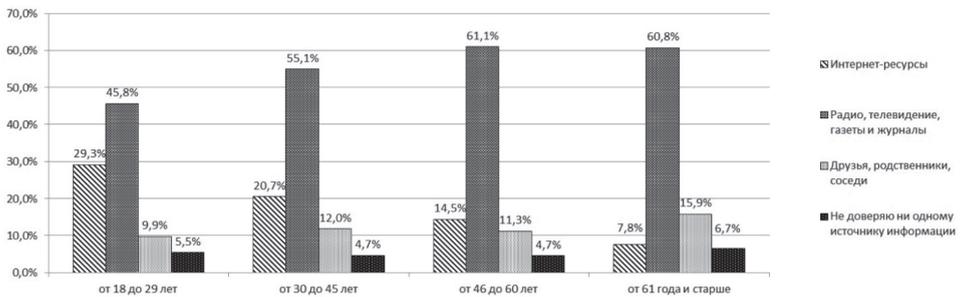

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какому источнику информации Вы доверяете более всего?» (возрастной срез) (в % от числа ответивших)

В отношении традиционных СМИ ситуация носит обратный характер. Если традиционным СМИ (радио, телевидение, газеты и журналы) доверяет 61,1 % респондентов в возрасте 46–60 лет и 60,8 % в возрасте от 61 года и старше, то среди молодежи от 18 до 29 лет таковых 45,8 %. Это свидетельствует о сохранении влияния традиционных СМИ на общественное сознание, но также подтверждает рост значимости Интернет-ресурсов в качестве источников информации, в первую очередь для молодежной аудитории.

Вместе с тем доверие к Интернет-ресурсам и традиционным СМИ меняется в зависимости от уровня доходов (см. рис. 3).

Граждане с уровнем месячного дохода выше 150 тыс. тенге менее всего доверяют информации, представленной традиционными СМИ. Они предпочитают делать выводы самостоятельно, сопоставляя информацию из разных источников. Приоритетным источником информации для этой категории являются мировые информагентства — 41,2 % опрошенных респондентов. Также причиной большего доверия мировым информационным агентствам является то, что граждане с самым большим уровнем дохода имеют высокий уровень образования и владения иностранными языками. Отметим также, что получение актуальной информации из первоисточников является на сегодняшний день важнейшей потребностью современного делового человека.

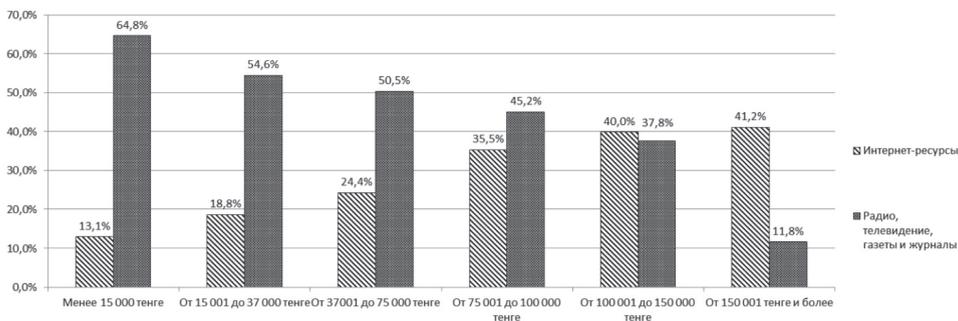

Рис. 3. *Распределение ответов на вопрос «Какому источнику информации Вы доверяете более всего?» в зависимости от дохода (в % от числа ответивших)*

Таким образом, прослеживается корреляция между ростом доходов и уменьшением доверия к традиционным СМИ. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что категории граждан с высоким и низким уровнями дохода находятся в разных сегментах информационного пространства. Соответственно, граждане с высоким уровнем дохода в меньшей степени зависимы от официальной трактовки тех или иных событий, а также от стереотипов, присущих массовому сознанию. Это приводит к тому, что в казахстанском обществе, по мере роста численности его среднего класса, формируется достаточно обширная социальная группа, способная самостоятельно анализировать социально-политические процессы в стране.

В то же время граждане с меньшим доходом менее самостоятельны в интерпретации каких-либо процессов и более восприимчивы к официальной информации. К тому же отсутствие региональных представительств международных информационных агентств на территории республики усложняет доступ граждан с низким доходом к информации из первоисточников, что способствует нарастанию информационного неравенства. Факторами, способствующими снижению доверия к интернет-источникам, являются: недоступность Интернета ввиду дороговизны компьютерной техники и услуг провайдера для граждан с низким уровнем дохода, а также низкий уровень компьютерной грамотности, что больше характерно для жителей сельской местности и людей старшего поколения.

Таким образом, разные социальные группы, в зависимости от возраста, уровня доходов, образования, места проживания, владения иностранными языками, располагаются в разных информационных сегментах, находясь под влиянием различных субъектов формирования общественного мнения.

Основной возрастной группой, составляющей большинство пользователей сети Интернет, является молодежь, которая определяет уровень развития Каз-Нета, структуру посещений сайтов, спрос на определенный контент. Ввиду того, что современная молодежь в большинстве своем владеет иностранными языками, складывается структура спроса казахстанских Интернет-пользователей на информационный контент. Очевидным фактом является то, что наибольшей популярностью пользуются зарубежные ресурсы. В этой связи можно заключить, что в Казахстане фактически сложилась *зависимая* модель развития

социокультурной идентичности, что выражается в высокой популярности сайтов — Мейл.ру, ВКонтакте, Facebook, Twitter, а также в спросе на специфичный контент, например, на корейские и японские сериалы, анимэ и т. п. Следовательно, в Казахстане, несмотря на наличие национального домена верхнего уровня (.kz или .каз), в конструировании социокультурной идентичности казахстанцев — пользователей сети Интернет, особенно молодежи, принимают участие как субъекты, доминирующие в глобальном информационном пространстве (США, Европа), так и страны, производящие востребованный контент (Россия, Корея, Япония).

К сожалению, мы пока не располагаем детальными данными по областям и городам Казахстана относительно сложившейся ситуации информационного неравенства. Тем не менее, ссылаясь на данные того же опроса, мы можем констатировать, что количество респондентов, не пользующихся ежедневно Интернетом, на селе более чем в два раза превышает количество опрошенных в Алматы и Астане (см. рис. 4). Таким образом, имеет место весьма заметное информационное неравенство по поселенческому признаку, провоцирующее социально-стратификационные сдвиги в обществе.

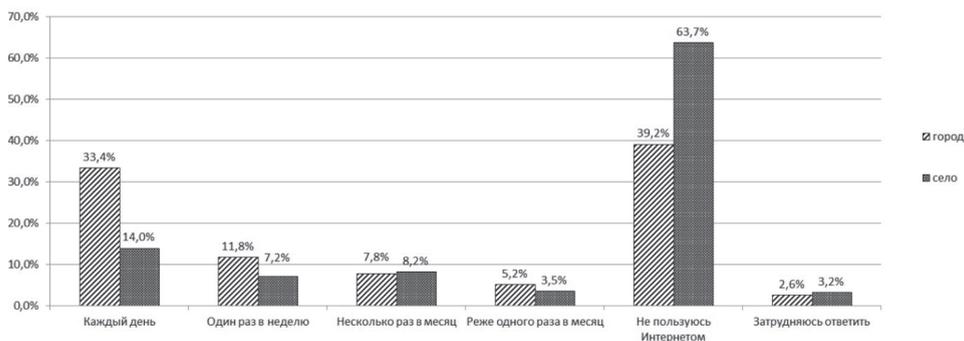

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы пользуетесь Интернетом?» в зависимости от проживания в городской или сельской местности (в % от числа ответивших)

Предполагаемое 10–15-летнее отставание Казахстана от передовых стран в сфере ИКТ дает основание утверждать, что об устойчивых тенденциях проникновения в общественное сознание виртуально-информационных трендов говорить пока преждевременно. Тем более преждевременным было бы говорить об устойчивых изменениях социальности или этнокультурной идентичности под воздействием онлайн-пространства.

Сетевые сообщества, объединенные профессиональными и жизненными интересами, новыми стилями, неукорененными в офлайн-среде, пока не в состоянии противостоять традиционным этнокультурным идентификационным сценариям. Тем не менее, можно с полной уверенностью говорить о ростках новой социальности, формирующейся в онлайн-среде, и ее интервенции в офлайн-пространство, т. е. мы имеем дело с установлением новых социальных границ не только в виртуальном мире, но и со стратификационным перераспределением социальных групп в реальном мире.

«Цифровой разрыв» провоцирует пробуксовку каналов социальной мобильности, повторяя механизмы традиционного общества, в котором сложившиеся социальные структуры отторгают действия по изобретению новой традиции, противоречащей опыту предков. Императив адаптации к глобальным изменениям до сих пор существенно не затронул глубинные архетипы и поведенческие реакции, заложенные в этносоциальной структуре казахской идентичности. Хотя правы по-своему авторы, считающие, что «даже архетипические структуры психики становятся подвижными и возможности трансформации менталитета на протяжении жизни одного-двух поколений уже не выглядят утопическими» (Алексухин 2003: 1516). Но, по-видимому, этот сценарий возможен при реальном преодолении социального и информационного неравенства.

Социальные сети во многом становятся местом рождения новых идей и выражения сублимированных и неартикулированных интенций индивидуального и группового сознания. Растет прослойка критически мыслящих людей — интеллектуалов-блогеров, гражданских активистов, модераторов социальных сетей и т. д., использующих атмосферу культурного плюрализма для пропаганды собственных идей по общественному переустройству. В западной социологии теория, объясняющая данный феномен, носит название «рефлексивной модернизации». Она фокусирует внимание на общей тенденции трансформации социальности в XXI в., а именно всеобщей индивидуализации. Человек начинает нести персональную ответственность за формирование собственной идентичности и биографии, что означает частичную утрату или даже полный разрыв традиционных связей. Но данный процесс входит в противоречие с актуализацией этнокультурной идентичности в общественном сознании жителей многих новых независимых государств постсоветского пространства. Этнокультурная идентичность населения большинства постсоветских государств, тяготеющих к коллективистским формам социальности, начинает воспроизводить архетипические социальные практики как способ самозащиты и самосохранения. В западной социологии этот процесс носит название *ретрайбализации* — ответной реакции на процессы деколлективизации.

Основные причины становления характерного для современной казахской идентичности гипервыраженного типа этноидентичности связаны, в первую очередь, с кризисом этнической идентичности казахов, вызванного процессом деколлективизации и детрайбализации. Кризис этнической идентичности и что еще важнее, самоидентичности, проявляется, прежде всего, в повышении в сознании индивида и этнической общности значимости этноидентичности по сравнению с другими формами индивидуальной и групповой идентичности. Повышенное внимание к собственной этнической идентичности и к своей этнической культуре обостряет чувства «мы — они» и повышает самооценку, т. е. оценку своих обычаев, стереотипов, ценностей, языка, символики и т. д. Причем наибольшую актуализацию этнокультурной идентичности придает социальный фон и экономические факторы, детерминирующие степень выраженности подобной «заикленности». Чем более неустроен и невежественен человек, чем меньше у него шансов на успешную социализацию и интеграцию

в чужеродной для него среде, определяемой глобальными трендами «всемирной деревни», тем более выражен его внутренний разлад и стремление подключить ресурсы самозащиты, придавая социальной проблематике непреходящую этническую окраску.

Известен феномен ретрайбализации и в других частях незападного развивающегося мира. «Бросается в глаза, — писал В.Б. Иорданский, — что африканский горожанин тем охотнее сохранял верность племенным традициям, и в частности племенным предубеждениям, чем труднее ему было найти себе место в окружающем обществе, чем напряженнее была идущая вокруг него борьба за выживание, чем сложнее была экономическая ситуация, с которой ему приходилось сталкиваться» (Иорданский 1970: 348).

Таким образом, модели социальных отношений, несущие в себе социокультурные коды этнической идентичности, которая продолжительное время подавлялась, провоцируют воспроизводство и доминирование архаических институциональных матриц, определяющих комбинированный тип сегодняшней социальности. Именно этим объясняется неуспешность большинства реформ, сводящих модернизацию к насаждению социально-политических институтов, присущих более развитым государствам.

В самом деле, когда мы берем в качестве наглядного примера процессы вытеснения, нивелирования этнической идентичности в социальных сетях, имея в виду, что она теряет свою социализирующую функцию и перестает доминировать в «информационном обществе», то мы должны ясно представлять, что «такой подход скорее характерен для англосаксонской культуры с ее “заикливанием” на индивидуальных правах человека, в том числе и в интернет-пространстве» (Nakamura 2002).

На наш взгляд, взаимодействие постиндустриального мира посредством Интернета с западными культурами развивающихся стран, напротив, обнажает этнические противоречия, нисколько не нивелируя их. В традиционных культурах включаются механизмы самозащиты, отторгающие чуждые институциональные коды развития и провоцирующие недостаточную эффективность реформ по западному образцу.

В то же время формируется и новое, во многом уже западноориентированное поколение, на которое благодаря глобализации и Интернету с самого рождения обрушивается релятивистский кодекс постмодернистского общества с его гедонистической моралью ежеминутных удовольствий, космополитизмом и жизнью в кредит. Современная молодежь уже достаточно ясно представляет, чего она хочет, осознанно или неосознанно включая механизмы социальной рефлексии модернизационных процессов. При этом этнокультурные и национальные приоритеты в ценностной иерархии отходят на второй план. Западноориентированная часть казахской молодежи не испытывает проблем с восприятием космополитических социокультурных моделей новой усредненной идентичности. Но это касается лишь небольшой части урбанизированной казахской молодежи.

Большая часть сегодняшней молодежи — это выходцы из моноэтнических южных областей, которые более всего озабочены проблемами сохранения

и развития казахского языка и расширения ареала казахской этнокультурной идентичности. Значение, которое придает возрождению языка казахская этнокультурная идентичность, размывается в глобальном информационном пространстве. Противоречивость эта проявляется и в том, что казахского языка пока нет в списке языков интерфейса популярных сайтов, что также вызвано наступлением глобального Интернета, нивелирующего этнокультурную специфику т.н. «слабых» в информационном отношении стран.

Создается параллельное виртуальное пространство, надстроенное над традиционными иерархическими структурами общества. На границе этих двух пространств (традиции и модернизации) возникает противоречие социетально-функциональных структур, присущих казахской этносоциальной системе и западных, индивидуализированных социетальных паттернов, внедряемых через многочисленные каналы «информационного общества». В результате возникает кризис прежних форм социальности, ответом на который «могут быть спонтанные действия массовых групп или же целенаправленные реформы сверху. Происходит дифференциация существующих и возникновение новых структур, обеспечивающих новое антропосоциетальное соответствие; одновременно растут новые компоненты, вызывающие напряжения в обществе по новым основаниям» (Лапин 2000: 33).

Социокультурные трансформации, реализуемые через борьбу старых и новых информационно-коммуникативных моделей и структур, выражаются в изменениях нашей идентичности. В процессе своей жизнедеятельности каждый индивид может приобретать новые идентичности и утрачивать прежние, или просто освобождаться от них. В связи с ценностным характером идентичностей случается, что индивид может обладать такими идентичностями, которыми он, возможно, предпочитал бы и не обладать, и наоборот.

Именно ценностный характер идентичности актуализируется в интернет-пространстве, когда становится возможным камуфлирование ценностно негативных идентичностей или симулирование других, обладающих в данном социокультурном онлайн-контексте высоким ценностным статусом. Псевдоидентичность и «многонииковость», когда пользователь скрывается за несколькими именами, разными фото и аватарами, регистрируясь в различных сетевых сообществах и имея несколько аккаунтов, как отражение стремления к субъективному конструированию в виртуальном пространстве собственной идентичности, стали достаточно привычным свойством-отношением, одним из социально-психологических оснований построения социальных сетей. Таким образом, идентификация как установление отличия себя от других в условиях сетевого онлайн-взаимодействия весьма затруднена. При этом в интернет-пространстве как отражении конкретно-исторических условий существующего социального дискурса актуализируется идентификационный тип, устанавливающий коммуникационные связи посредством принадлежности к этнической, территориальной, профессиональной, клановой — словом, к корпоративной группе. Это вызвано тем, что установление отличий своей, к примеру, этнической или территориальной общности от другой представляется массовому сознанию изначально ясным и исторически аргументированным.

На сегодняшний день логика виртуализации общества такова, что торжествует мозаично-корпоративная дифференциация прежнего социокультурного целого. При этом в структуре транзитных, симбиотических форм социальности начинают проявляться архаические, этноцентристские формы идентификации, воспроизводящие, казалось бы, забытые за советские годы иерархические принципы этносоциальной структуры.

В условиях неопределенности и дифференциации маркеров социокультурной идентичности, характеризующих процессы виртуализации, по-новому ставится вопрос управляемости и иерархии социальных страт и горизонтальных общественных структур. Виртуальная реальность и генерируемые ею социокультурные коды и механизмы институционализации начинают постепенно перестраивать коммуникативное пространство согласно логике виртуализации полей социокультурного взаимодействия. Традиционные иерархические структуры при этом не теряют своего функционального влияния и под воздействием виртуализации общества перестраиваются в корпоративные элементы и структуры, парадоксальным образом воспроизводящие жизнестойкие традиционные матрицы.

Иерархические управленческие структуры политической самоорганизации никогда не довели над номадическим сознанием казахов, не были его императивом, в отличие от восточных деспотий. Любопытно замечание русского исследователя казахских степей А.И. Левшина: «Все соседи киргиз-казаков управляются или монархическим или деспотическим правлением, все родственные им народы живут в рабстве, достойном сожаления, а они почти совсем не знают подчиненности, у них не существуют даже ни имя подданного, ни имя владельца. Явление очень любопытное для политиков!» (Левшин 1996: 374).

Кочевой образ жизни predetermined такую специфическую черту этносоциальной структуры казахского этноса, как отсутствие жесткой властной вертикали и отсутствие горизонтальных внеродственных связей как между состоятельными сословиями (элитой) — ханами, султанами, баями, биями и духовенством, — так и между простыми людьми. Соответственно, горизонтальный принцип современных сетевых форм коммуникации способствует тому, что в интернет-среде они вместе с профессиональными, цеховыми, гражданскими, языковыми формами идентификации и структурирования сетевых сообществ начинают группироваться по готовому лекалу этносоциальных сетей недалекого прошлого, возрождаясь вместе с исторической памятью.

Так, в Казахстане набирают обороты интернет-сайты, позиционирующиеся по признакам родовой ру-идентификации (ру (каз.) — род, племя): «Разработчики поняли, что эта тема интересна казахстанцам. Многие задаются вопросом о своих корнях... «Сейчас ты можешь забить в определенной базе данные с пометкой, какой у тебя «ру». К примеру, приложение «Рулас» скачали за две недели около 1000 человек. Неделю назад прибавлялось по пять человек в день, сейчас — по 50» (Соцсеть «Рулас» 2013). Сами разработчики признаются, что пока не знают, во что это выльется. С одной стороны, интерес к собственной истории понятен и должен приветствоваться, а с другой — инициру-

емые Интернетом процессы ретрайбализации, как уже отмечено, непредсказуемы в своих последствиях. Эта пока еще микротенденция, которая будет поддержана механизмом дальнейшей виртуализации и информатизации духовного пространства, даст ход сублимированным интенциям, которые в свое время были подавлены насильственными процессами деколлективизации и детрайбализации.

Логика горизонтального взаимодействия этносоциальной структуры всегда была определяющей в космосе казахской этнической культуры (Артыкбаев 2005: 195). При этом под воздействием глобальных информационных потоков постепенно ослабевают механизмы иерархического управления, расшатываемые корпоративным эгоизмом и замкнутостью все более дифференцирующихся общественных структур и страт. Тогда как групповое сознание современного человека должно успевать не только усваивать модернизационные изменения, но и вовремя и адекватно реагировать на вызовы современного «общества риска» (Бек 2000), в котором угрозы принимают все более виртуальный, опережающий характер. Таким образом, пока преждевременно говорить применительно к Казахстану об изобретении новой традиции адекватного реагирования на вызовы «информационного общества». Также как преждевременно говорить об устойчивости тенденций проникновения виртуально-информационных трендов современности в общественное сознание. Тем более преждевременным было бы говорить о стабильно прогнозируемых изменениях социальности или этнокультурной идентичности под воздействием ИКТ. Для этого должны созреть условия — социальное благополучие, уровень образования, глубина проникновения ИКТ в повседневную жизнь населения городов и аулов, офлайн-активизация ростков гражданского общества, формирующихся в сетевых сообществах интернет-пространства и т. д.

Таким образом, пока рано говорить о рождении новой онлайн-социальности, которая бы активно воздействовала на транзитную офлайн-социальность казахстанского общества. Хотя в виртуальном пространстве мы имеем дело с разноскоростными процессами деэтнизации, тем не менее, для развивающихся стран, актуализирующих процессы этнокультурной идентификации, данный вид идентичности остается наиболее значимым, хотя и проявляется достаточно противоречиво. Скорее нам необходимо задуматься о преодолении социального и информационного неравенства реальной жизни, и уже в контексте решения этой проблемы конструировать наше отношение к сетевому взаимодействию, изменяющему нормы и ценности нашей повседневности.

Литература

Алексухин С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ // Электронный журнал «Исследовано в России», 2003, с. 1503–1516. [<http://zhurnal.aperefer.ru/articles/2003/127.pdf>]. Дата доступа 15.05.2014

Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). СПб.: Мажор, 2005.

Бек У. Общество риска. На пути к модерну. М.: Прогресс, 2000.

Иорданский В.Б. Тупики и перспективы Тропической Африки. М.: Наука, 1970.

Социальная теория

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

Лалин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии, 2000, 3(3), с. 32–39.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996.

Соцсеть «Рулас» для объединения по жузам появилась в Казахстане, 25.10.2013 [http://tengrinews.kz/strange_news/sotsset-rulas-244304/]. Дата доступа 15.05.2014

Nakamura L. *Cybertypes: Race, Ethnicity and Identity on the Internet*. New York: Routledge, 2002.